(cc) BY

Кугай Александр Иванович
д-р филос. наук, профессор
Северо-Западный институт управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗИЯ В РАКУРСЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Аннотация*: статья, опираясь на лакановскую концепцию jouissance (наслаждения), рассматривает, каким образом фантазии, структурно вплетенные с дискурсом и смыслом, желаниями и эмоциями, управляют политическим выбором. Фантазия упрощает мир, прикрывая изначальный недостаток, присущий человеческому состоянию. Фантазии многократно реартикулируются для поддержки одного и того же политического дискурса. Это объясняет, почему государственная политика регулярно формулируется новыми словами. Различные фантазии могут воображать различные варианты будущего, эффективно меняя онтологические позиции, эпистемологические предпочтения, политические воображения и социальные практики.*

Ключевые слова*: фантазия, дискурс, желание, восприятие, идеология.*

Фантазия может рассказать нам не только о том, почему мы цепляемся за несбыточные или нереалистичные надежды сохранить глобальный статус-кво во все более разрушаемом мире, но также может помочь определить репертуар альтернативных способов социального бытия. Фантазии не только управляют желанием; они также создают миры. Положение о том, что наше взаимодействие с миром в основе своей фантастично, не означает, что мы не можем отличить фантазию от реальности. Вне всякого сомнения, фантазия и реальность обладают различными качествами и развиваются по-разному. Однако, мышление реальности не может действовать без сопутствующих и поддерживающих бессознатель-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ных фантазий; например, мы продолжаем «воспринимать вещи» ушами, «пожирать» глазами, «читать, отмечать, изучать и внутренне переваривать» на протяжении всей жизни.

Откуда берутся политические дискурсы, которые артикулируются, конкурируют за структурирование социальных норм и институтов и – в случае успеха – формируют человеческую деятельность и желания?

Роль фантазии является центральной в объяснении идеологической силы дискурса, почему идеология захватывает политический субъект. Исходя из лакановской концепции *jouissance* (наслаждения) вытекает, что «воображаемое обещание вернуть утраченное/невозможное наслаждение обеспечивает фантазийную поддержку» нашему политическому и социальному выбору [8, с. 73–74]. Политические проекты и идеологии обещают достижение этой полноты, часто сначала выявляя препятствие к ней в виде другого/иного, стоящего на пути, а затем предлагая его устранение. Однако, даже когда политический проект побеждает, обещание выполняется лишь частично; вскоре после этого социальные антагонизмы возвращаются, и незавершенность отдельных субъектов снова обнаруживается. Чтобы покрыть эту невозможность захвата полного наслаждения, политические фантазии структурируют частичное наслаждение индивида через различные ритуалы и использование утопических и антиутопических нарративов, воспроизводящих фантазию как в официальном, так и в неофициальном публичном дискурсе [4, с. 262].

Фантазия определяет характер политической логики. С одной стороны, политическая логика активна, смысл становится текучим, один дискурсивный элемент начинает определять смысл других. В то же время политическая логика представляет собой дифференциацию между дискурсивными элементами фиксирует смысл и защищает эти элементы от сверхдетерминирования и, таким образом, от превращения смысла в текучую среду.

Фантастическая логика представляет собой вектор, преодолевающий текучесть или неподвижность вещей [5]. Таким образом, фантастическая логика может защищать социальные идентичности от текучести политизации, которая

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

представляет угрозу их непрерывности, поскольку частичное наслаждение структурируется конкретными фантазиями. В качестве альтернативы фантазия может также быть частью фантастической логики, которая стремится к текучести смысла, поскольку она обещает полное наслаждение, которое будет достигнуто с помощью политического проекта или идеологии [6] для выражения бессознательных импульсов и желаний. Механизмы защиты тоже выражаются через фантазию. Проекция, интроекция, расщепление, идеализация, отрицание, вытеснение – это абстрактные термины, описывающие общие психические процессы, но использование их данным индивидом выражается через конкретную фантазию [8, с. 367].

Как мы переходим от личности к политическому субъекту? Или что делает фантазии политическими? Мы утверждаем, что в принципе различие между фантазией отдельного человека или «народа» может быть известно только после анализа. В частности, фантазия является политической, когда она включает в себя разделение между политическим объектом и политическим субъектом, тем самым конституируя и то, и другое в области политики.

Чтобы выявить политическую фантазию на практике, мы можем спросить, можем ли мы найти дискурс в общественном достоянии, переплетенный с желанием и эмоцией, обнаруживающий следы воображаемых механизмов расщепления и проекции. Можем мы идентифицировать «образ, вплетенный в «дискурс»? В этом случае политические фантазии выражаются в конкретных дискурсах, которые связывают конкретные идеи с общественной тревогой, агрессией или радостью. Более того, механизмы проекции и расщепления могут выражаться в нарушении норм или в сильном антагонизме. А политическая фантазия, таким образом, может быть распознана как имеющая «черно-белый» характер, зачастую ведущий к радикализации и экстремизму [1], который оставляет мало места для двусмысленности, или дискурс может включать «хорошие» и «плохие» политические объекты, которые очень одномерны.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Многие исследования подчеркивают важность фантазии в поддержании идентичности политического субъекта в отсутствие постоянного внешнего объекта, с помощью которого он может определить себя [2]. Сама наука о международной политике использует фантазию о государствах как автономных акторах со стабильными интересами, чтобы иметь возможность изучать «государство» как политическое явление. Фантазия упрощает мир, прикрывая изначальный недостаток, присущий человеческому состоянию. Фантазии многократно реартикулируются для поддержки одного и того же политического дискурса. Это объясняет, почему государственная политика регулярно формулируется новыми словами.

Исследования политической фантазии в традиции лаканианского психоанализа, как правило, фокусируются не столько на политическом субъекте, сколько на связи идеологии с желанием, тревогой и радостью [7]. Неолиберальная идеология в дискурсах об изменении климата поддерживается фантастическими структурами, такими как «устойчивые города» или «правильный рынок». Неолиберальная идеология функционирует так, что ее поддерживающие фантазии дают субъектам небольшой вкус радости в контексте недостижимого обещания полного наслаждения (*jouissance*). Р. Флетчер утверждает, что эти фантазии в значительной степени опираются на механизмы отрицания (или вытеснения), признавая только часть реальности или полуправду. Таким образом, политические фантазии поддерживают создание политических субъектов и объектов, в то время как их можно распознать по тому, как они мобилизуют желания и эмоции через воображаемые механизмы расщепления и проецирования [3].

В то же время позитивный потенциал политических фантазий для создания новых миров не может быть самоочевидным во времена фальшивых новостей и многочисленных кризисов. Заманчиво рассматривать концепцию фантазии как, возможно, поучительную для указания на человеческую склонность обманывать и скрывать правду, но менее восторженно относиться к присвоению ей позитивной роли в человеческом опыте.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Более того, различные фантазии, могут воображать различные варианты будущего, эффективно меняя онтологические позиции, эпистемологические предпочтения, политические воображения и социальные практики. Наконец, «Что может быть свободнее человеческой фантазии» (Д. Юм).

Список литературы

1. Кугай А.И. Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2015. (№2. – С. 16–26.

2. Arfi, Badredine. 2010. Fantasy in the Discourse of «Social Theory of International Politics». Cooperation and Conflict 45 (4): 428–448.

3. Fletcher, Robert. Beyond the End of the World: Breaking Attachment to a Dying Planet, in Psychoanalysis and the Global, edited by Ilan Kapoor, 48–69. Lincoln: University of Nebraska Press, 2018

4. Glynos, Jason. Ideological Fantasy at Work. Journal of Political Ideologies, 2008.13 (3): 275–296.

5. Glynos, Jason. Theory and Evidence in the Freudian Field: From Observation to Structure. In Lacan And Science, edited by Jason Glynos and Yannis Stavrakakis, 13–50. New York: Routledge. 2018.

6. Glynos, Jason. The Grip of Ideology: A Lacanian Approach to the Theory of Ideology. Journal of Political Ideologies. 2001. 6 (2): 191–214.

7. Eberle, Jakub. 2017. Narrative, Desire, Ontological Security, Transgression: Fantasy as a Factor in International Politics. Journal of International Relations and Development. 2017, 22 (1): 243–268.

8. Stavrakakis, Yannis. Passions of Identification: Discourse, Enjoyment, and European Identity. In Discourse theory in European politics, 68–92. London: Palgrave Macmillan, 2005.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)